

Литературная страница

Александр ПАВЛОВ

Цеховая практика

Так большое начинается:
неприглядные углы...
В смену две метлы стираются
о рифленые полы.

Это мудрое учение
ты в себя давно впитал:
надо выковать терпение,
чтобы выковать металл.

Из березы ли, еловая...
Эго, милый мой, не в счет.
Говорят, метла, мол, новая —
да по-новому метет.

Ох, гуляй, гуляй, родимая,
все выжаривай дотла,
трижды клятая, судимая,
забубенная метла.

Никого-то не обидела,
всех-то чуешь за версту.
Сколько б грязи ты не видела,
а стоишь за чистоту.

Горяча на лбу испарина.
А метла все шмыг да шмыг...
Проучу, мол, мылче барыня,
шибко грамотный мужик.

Виктор НАВДУШ

По осеннему золоту выхожу из ворот. А по нашему городу эстафета идет. Мчатся девочки, мальчики, как отбившись от рук. Разноцветные маечки на ветру, на ветру. В пику скорому холоду и тоске непогод	по осеннему городу эстафета идет. По осеннему городу, как по жилам моим... Ничего, что я с молодю больше бит, чем любим. Ничего, что рисуется мне судьба черново... Ничего, образуется, ничего, ничего...
--	--

Владимир ЕГОРОВ

Распродажа

Ни стыда, ни совести... Вместе с барахлом Продаются повести, Двадцать р. — за том! Продаются Данте, Старый шифоньер, Блок с «Прекрасной Дамой».	Пушкин и Гомер. — Продается полное... — Завонил очкарик. В сумке переполненной Драйзера нашарил. Тютчевская Ницца — Боль родной земли! Шелестят страницы... Шелестят рубли...
--	---

Екатерина ДОБРЮЛОВА

Колыбельная сыновьям

Вся — надежда — песня вечная: «Баю-баюшки-баю»... Радость щедро поделю, Горе — спрячу в глубь сердечную.	Баю-баюшки-баю... Заплачу за все морщинами. Станьте, мальчики, — мужчинами!
---	---

Николай КРЫЛОВ

Снова память разрывает светом:
Я бреду сквозь тысячи мостов...
Вижу, как далеким теплым летом
В «догони!» — мы прыгали с плотов.
— «Вот он я!» — смеялись беззаботно,
Под водою делаю обмен.
Но однажды я бесповоротно
Воплотить решил коварный план.
Ласточкой нырнув, не развернулся,
Не притих знаком под щепой.
Под плоты ушел!..

И содрогнулся,
Как затвор представил над собой.
Ноги заработали быстрее,
Нервы натянулись, как струна.
Я вонзил свой взгляд еще острее,
Но не видел светлого окна.
В голове поплыл темно и длинно,
Нарастая, сдавливая, звон.
Я рванулся, обдирая спину.
Неужель предаст меня затон?
Неужели зря учил терпенью,
Наполнив силой день за днем?...
И увидел за широкой тенью
Близкими наполненный проем.
Почему же вспомнилось все это?...
Почему жизни — словно тот затон.
Погрешить душой —

и в сердце где-то
Тот знакомый беспощадный звон,

На старинное лечение
обижаться не спеши...
Что ли замах — то облегчение,
словно мусор из души.
Перепарит, перебесит,
пропечет всего дотла,
поубавит сытой спеси
эта мудрая метла.
И бы эту бы метлу
в красном выставил углу.

«Если можешь не писать —
не пиши...» —
эта истина куда как проста.
Ох и долго я молчал от души!
Наконец-то отворились уста.
С глаз упала не одна пелена,
и в липучих, покаянных ночах
оглушила не одна тишина...
Пышен сад, и мал росток не зачах.
Что ж, пора и за мирские дела,
уж, казалось бы, и сад невелик,
забурьянет от угла до угла,
потому-то и сидеть не велит.
День объятия свои распростер,
свет гуляет
по надменным стволам...
Ох и домыслный нынче будет костер,
ох и здорово достанется нам!

Осенний этюд

Праздник болышка и дыма,
загрустил осенний сад...
А всего-то: шла ты мимо
листьев пять тому назад.
Шла с улыбкой голубою,
важляк по-вешнему лучист...
Почему же за тобою
закружился желтый лист?
Ледниковый, лысый камень
в три обхвата подо мной,
озабоченный веками
сохраняет жар дневной.
Где-то голос: «У, проклятый!
Всех цыплят перепугал...»
Первый лист, четвертый, пятый,
и шестой уже упал...
За осенним этим дымом
дни далекие видны:
птичьим крылышком старинным
маслит бабушка блины.
Третя хитрый кот о ноги
и урчит — аж звон в ушах...
А заветные дороги
снова листьями шуршат.
Ты прошла, и осень — мимо,
оставяет камень мой...
Праздник солнышка и дыма,
вечер юности самой.

Наши публикации

Алла ДВОРЖИЦКАЯ

ДВА АВГУСТА

(Продолжение. Начало в № 88—90, 92—93, 95, 97)

Жили рядом, встречались, случалось, работали бок о бок фашисты, монархисты, легитимисты, советские, сочувствующие Советскому Союзу эмигранты, капиталисты и бедняки, религиозные фанатики разных толков (жила в Харбине бывшая «живая богородица» — богатая старуха Мичкова), переметные сумы, менявшие убеждения в зависимости от политического ветра, абсолютно аполитичные люди.

Иностранцев в Харбине тоже проживало немало. Американцев, англичан интернировали сразу в начале 2-й мировой. Их держали в далеком пригороде — Сумбее. Не надо забывать, что хоть город был русский, он был и китайский. Китайцев, японцев, корейцев и монголов в нем было, пожалуй, не меньше, чем русских. У них были свои устремления, свои политические взгляды, и среди них происходили схватки умов и сил, каждый боролся за свое. В этот кипящий котел и вторглась новая война.

...Спустилась ночь. Света в вагон не дали. Вдруг поезд резко затормозил. Кинулись к окнам: Никаких строений. Небо осветилось лучами прожекторов, и стало видно, что стоим в пустом поле. Людей не видно. Глухо донеслась японская речь. Мы шарахнулись от окон — лучше японцам на глаза не попадаться. Неизвестно, что сейчас в Харбине: может, его бомбят, а там родные, дом. Может, русских арестовывают или отправляют на какие-нибудь работы. Что будет с нами, если доедем? А что, если не доедем? Это не мысли, а какие-то пунктиры в мозгу.

Застучали по вагонам, заколотили требовательно. Раздались громкие команды. Все глаза на Турчанинова, он один владеет японским. Вста переводить? приказывают выходить. Растерялись. Такого не ждали. Одни стали хвататься за вещи, другие замерли. Отрезвил всех голос Томского:

— Оставайтесь на местах. Сядьте, не стойте! Дальше от окон!

Поезд не раз еще останавливался. Все повторялось: команды, бешеные удары в стенки, лучи прожекторов в небо. Мы сжимались и молча ждали, что будет. Японцы могли проверить вагоны и выпихнуть нас, но этого не произошло.

Поезд дошел до Харбина. Остановился не против вокзала, как обычно, а у глухой стены. Она тускло белела во мраке почти у самого вагона. Взяло сомнение: да Харбин ли это? Может, какой полустанок? Высовываться ли нос или переждать? Нет, ждать оказалось нельзя. Где-то там, у дальних вагонов, послышался шум, нараставший быстро и грозно. Раздались голоса, много голосов и перекрывающие их выкрики японских военных команд. Топали ноги в тяжелой обуви все быстрее, все громче, все ближе. Надвигалась лавина. Захлопали дальние двери, задрожали вагонные полы. Голоса, топчущие ноги приближались.

Мы, хватая вещи, бежали к выходу, выбрасывали на платформу узлы, чемоданы, баулы. В открытые окна тоже летели вещи. Я выскочила, прижимая к себе коробку с сытыми и сонными гусятами. Решила: пусть все остальное мое барахло пропадет! Спасу живые комочки и ладно, но все мои вещи оказались на платформе, даже банка с салом лежала на боку, а рядом высидась пыльная гряда, похожая на торт со взбитыми сливками. Гряда драгоценного сала, вылетевшая из банки.

Актеры скатывались, вываливались из вагона, а по нему уже бежала нам вслед японская военная часть. Она напоминала не войско, а дикую орду, казалось: задержись мы в вагоне, нас бы затоптали.

В здании вокзала — беготня, суетола, разногласный шум и даже плач, ощущение всеобщей паники. Наша группа стояла, как островок среди бушующих волн. Молча, устало глазели мы вокруг. Европейских лиц видно не было. Сообразили, наконец, что нам, русским, лучше уходить подальше от японцев, мало ли что! Решили выйти на вокзальную площадь, а там видно будет.

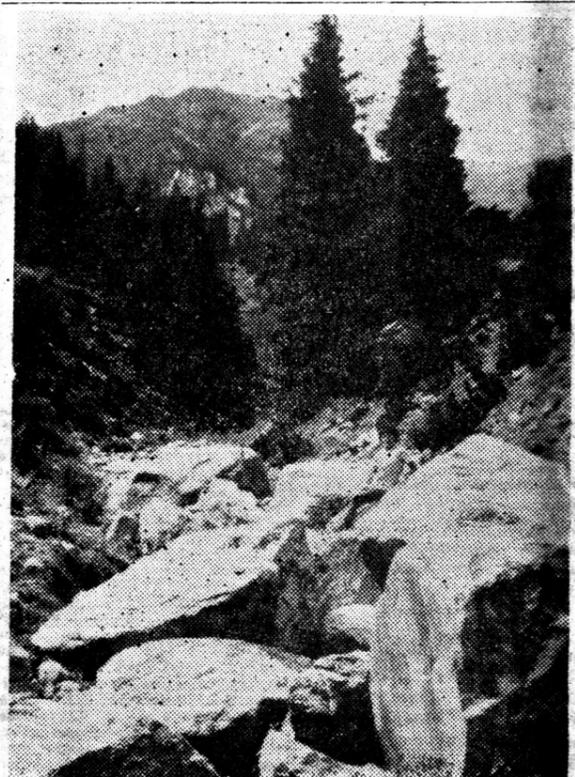
Ночь, приятно свежая, с проклюнувшимися звездами, приняла и скрыла нас. Теперь можно подумать, как добираться домой. Путь всем предстоял неблизкий и в разные части города. Сходились вместе попутчики, и тут вдруг завывли сирены. Люди рванулись в разные стороны. По небу зашарили лучи прожекторов, долетели издали команды по-японски.

Виктор Турчанинов крикнул:
— Ложитесь! Ложитесь все! Стоять, двигаться запрещено!

Страх успел раскидать нас, и мы легли вдалеке друг от друга. Вскоре послышались крики и глухие удары. Видно, не все подчинились приказу и полицейские и военные били непокорных. Досталось китайцам. Мы легли вовремя.

Японцы всегда обращались с русскими осторожнее, чем с китайцами. Мы частенько видели, как японские полицейские били на улицах китайцев. Лушили мелких торговцев, мастеровых, лудивших посуду, точивших ножницы, старьевщиков с корзинами, бродячих сапожников, уличных парикмахеров, прачек с узлами белья, крестьян, привозивших овощи на продажу. За что? Не остановился сразу, когда окликнули, не там лицу перешел, встал с товаром не на месте. Били дубинками, а китайцы низко кланялись под ударами, просили простить и как-то по заячьей жалобно вскрикивали от боли.

(Окончание следует)

В горах Башкирии.

Фотоэтиюд П. Хныкина.

Эдельвейс.

Фотоэтиюд А. Денисова.